

В ДЕРЕВНЮ РАДИ ДЕРЕВНИ? ГУМАНИТАРНЫЙ ТУРИЗМ В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ В РОССИИ

Город и деревня традиционно противопоставлялись друг другу как пространства, диктующие и определяющие различный образ жизни. Сельская местность ассоциировалась с местом, откуда надо уезжать, но при этом она постепенно становилась и заветной территорией «не-города», где существуют особые сельские отношения, основанные на открытости, взаимопомощи, коллективизме. В этой статье автор попытается изучить, как сегодня происходит диалог городского с деревенским, что везут с собой горожане, уезжающие в деревни и сёла, и находит ли это какой-то отклик у местных жителей. На примере анализа деятельности молодой организации «Беневоляж», которая декларирует свою цель как развитие деревни, изучается введение городских паттернов и городской инфраструктуры в деревенское пространство. Анализируя структуру организации, методы работы с местными жителями и сельскими активистами, автор приходит к выводу, что ее члены создают в деревне новые объекты и отношения, которые характерны для городской среды, и тем самым под флагом «возрождения деревни» или воссоздания идиллического образа деревни урбанизируют село и сельские социальные отношения, формируя их для реализации собственных проектов. Сельская социальность, включающая тенденции к равенству, взаимопомощи, эмпатии, заменяется эффективной организационной структурой, которая действительно развивает и экономически преобразовывает территории, однако запускает процесс изменения их социального устройства с сельского на городское.

Ключевые слова: развитие территорий, малые города, деревня, активисты, сельскость

Ссылка при цитировании: Садова Е. С. В деревню ради деревни? Гуманитарный туризм в сельскую местность в России // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 86–101.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/86-101

Original article

© Ekaterina Sadova

INTO THE VILLAGE FOR THE GOOD OF THE VILLAGE? HUMANITARIAN TOURISM TO THE COUNTRYSIDE IN RUSSIA

The city and the village are traditionally opposed to each other as spaces dictating and defining a different way of life. The countryside was associated with a place to leave from, but at the same time it gradually became the cherished territory of the “non-city”, with special rural relations based on openness, mutual assistance, collectivism. In this article, the author will try to study the dialogue between the urban and the rural, what the townspeople are taking with them when they leave for village, and whether it finds any response from the locals. The study focuses on the introduction of urban patterns and urban infrastructure into the village space, analyzing the example of the young organization “Benevoyage”, whose declared goal is the development of the village. Analyzing the structure of the organization, methods of working with local residents and rural activists, the author concludes that the organizers create new objects and relationships in the village that are characteristic of urban space, and thereby, under the banner of “village revival” or recreating the idyllic image of the village they actually urbanize rural space and rural social relations, reshaping them for implementation of their own projects. Rural sociality, which includes tendencies towards equality, mutual assistance, and empathy, is being replaced by an effective organizational structure that really develops and economically transforms territories, but triggers the process of changing their social structure from rural to urban.

Keywords: *development of territories, small towns, village, activists, rural*

Author Info: Sadova, Ekaterina S. — Master Student in “Sociology. Social and Environmental Innovations Management: From Local to Global”, Paris-Saclay University (Paris, France), Master of History — Graduate of the Master’s program of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sadovacath@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-6511-6053>

For citation: Sadova, E. S. 2024. Into the Village for the Good of the Village? Humanitarian Tourism to the Countryside in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 86–101.

На протяжении XX в. русская деревня интенсивно менялась: люди переезжали в города, в стране проходила активная урбанизация. Город и деревня всё сильнее противопоставлялись друг другу, и сельская местность всё больше ассоциировалась с местом, откуда надо уезжать. При этом рождалось особое понимание «сельскости» — территории «не-города», где существуют особые сельские отношения, основанные на открытости и честности (Tutorskiy 2017), взаимопомощи (Громыко 1981), коллективизме (Демидова 2020).

В XXI в. (и особенно явно она проявилась в период пандемии) наметилась совершенно обратная тенденция — «ностальгия по деревне», желание уехать в сельскую местность от городского шума и суеты, прийти вновь к «единению с природой» (Аничкова и др. 2022). При этом к пониманию сельскости добавлялось ощущение автономии, места, свободного от центральной власти. В деревню устремились городские активисты, которые начали воспринимать село как свободное пространство, «незанятую» территорию, где намного проще реализовать проекты и стать заметным. Природное и культурное наследие всё чаще стало восприниматься как ресурс, а туризм превратился в главную стратегию регенерации экономически депрессивных поселений (Куприянов, Савина 2020: 12). «Вдохновляясь идиллическим (как правило, весьма отличным от реального) образом деревни, “новые деревенские” прилагают усилия к его воплощению на практике» (Куприянов, Савина 2020: 13).

Одним из таких проектов по развитию малых территорий стал «Беневоаж». Организаторы в информационном пространстве декларируют, что ориентируются не на «картинку сельского», а на людей, которые живут в селе, и их ключевая задача — сделать село приятным местом для жизни. Однако в реальности «Беневоаж» становится проектом превращения сельского пространства в городское — организаторы создают в деревне новые объекты и отношения, которые характерны для городской среды, и тем самым под флагом «возрождения деревни» или воссоздания идиллического образа деревни урбанизируют сельское пространство и сельские социальные отношения, формируя их для реализации собственных проектов.

Методология

В 2020–2021 гг. в рамках работы над исследованием проектов в сфере наследия я провела глубинные неструктурированные интервью с участниками проекта «Беневоаж». Так как работа с организацией проводилась в период ковидных ограничений, когда нельзя было организовывать оффлайн-мероприятия, мои возможности включенного наблюдения и непосредственного участия в проектах были ограничены. Я проводила интервью с организаторами, волонтерами и местными жителями, пожелавшими поучаствовать в путешествиях «Беневоажа». Помимо онлайн-интервью, я провела онлайн-поле — присутствовала на стратегических сессиях курса активистов, анализировала в живом режиме переписки участников в телеграм-чате (800 человек). Также летом 2022 г. я ездила в деревню, где несколько лет назад «Беневоаж» проводил одно из своих первых путешествий, пообщалась с местными жителями и активистами о проекте.

Название проекта и имена информантов в статье изменены. Цитаты, находящиеся в открытом доступе, также переформулированы, а прямые ссылки на источники не даются из соображений анонимности.

Проект Беневоаж: общее описание

«Беневоаж» — это проект по изменению малых территорий, который зародился в 2015 г. Проект предполагает организацию путешествия для туристов в необычном формате: с целью увидеть уголки страны, куда редко кто решится поехать в отпуск, пожить среди местных жителей, которые организуют мастер-классы и экскурсии,

связанные с историей или культурой их территории, а также поработать на общее благо — например, сделать скамейку. В «Беневоже» есть организаторы — руководитель и идейный вдохновитель проекта Анна Соловьева, ее помощники, готовящие все путешествия; принимающая сторона от деревень и сел — местные активисты; туристы — те, кто платит за путешествие и едет знакомиться с новыми территориями и помогать их развивать.

Анной Соловьёвой была чётко сформулирована основная концепция «Беневожа»: малые территории исчезают и разрушаются, когда люди ждут, что кто-то придёт и всё исправит. Но стоит помочь объединиться — и «чувство отчуждения» от земли можно преодолеть и самим создать «место, где хочется жить»¹.

Таким образом, официальной идеей проекта стала организация путешествий, которые помогут жителям российской глубинки обратить внимание на свою территорию и понять, что они сами могут менять ее лучшему. Однако в реальности местным жителям отводятся лишь эпизодические роли — в организации питания и проживания для приезжих, а степень вовлечения их в планирование мероприятий и перспектив развития собственного села минимальна.

В настоящий момент проект охватывает не конкретный регион, а всю страну, ищет активистов и разрабатывает путешествия в самые разные уголки России — так, в последние несколько лет путешественники отправлялись в Сибирь, на север и в центральную европейскую часть России. Проекты «Беневожа» охватили «более 30 деревень и небольших городов, более 70 единых поездок, более 500 жителей, более 600 беневожеров с детьми».

Несмотря на то, что проект заявлен для развития всех малых территорий, большая часть поездок проводилась именно в деревни. Кроме того, сами организаторы и гуманитарные туристы почти не различают малые города и деревни — для них все, что находится за пределами Москвы или крупного города становится сельской местностью, которую важно улучшить.

Стандартный турист, отправляющийся в путешествие с «Беневожем» — взрослый человек примерно сорока лет или старше, житель большого города (чаще всего Москвы или Санкт-Петербурга), при этом «70% туристов — женщины» (ПМА–2021/22, Инф. 1, ок. 1985 г. р.). Туристов привлекает возможность поучаствовать в важном деле (развитии территории) и нестандартность отдыха — путешествие в «глубинку», куда сложно добраться самим.

Организация путешествия и онлайн-курсов

Важным условием организации поездок является запрос местного сообщества. Для того, чтобы в деревню приехали туристы-беневожеры, жителю малой территории, активисту необходимо подать заявку на сайте, которая должна соответствовать следующим критериям: на месте — то есть из числа жителей, которые проживают в настоящий момент в деревне — должно быть минимум три инициативных человека, готовых взяться за организацию путешествия; должна быть обеспечена минимальная транспортная доступность для туристов; найдена возможность найти общее дело (беневожеры стремятся ехать не к одному местному жителю «красить забор», а, к примеру, делать скамейки для общедоступного бесплатного парка (ПМА–2021/22,

¹ Переформулированные фразы из открытых источников — в частности, с сайта проекта.

Инф. 2, 1986 г. р.), также важна готовность слушать советы команды «Беневожа» по подготовке путешествия. Подчеркну, что местные активисты рассматриваются скорее, как аудитория, получающая рекомендации по развитию территории, чем как полноправный соавтор мероприятия.

Если команда «Беневожа» отбирает заявку, она начинает готовить совместно с отобранными активными местными жителями путешествие. Поехать на два-три дня с «Беневожем» стоит от 20000¹ рублей, и в цену не входят билеты. Путешественников, которые платят за поездку, обычно 4–8 человек. Специального отбора участников нет — «если человек готов платить за развитие деревни, то он уже прошел отбор» (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.). Из собранных средств 25% идёт команде «Беневожа», остальное — местным жителям, обеспечивающим путешествие (на оплату проживания, еды, экскурсионных мероприятий).

Работают путешественники в день всего часа 4, остальное время — тематические мастер-классы (туристы собирают целительные травы, создают своими руками настенное панно из хлопковых нитей, делают обереги), экскурсии, разговоры с местными активистами и путешественниками.

Также для развития территорий во время пандемии команда «Беневожа» организовала онлайн-проект по созданию активистов и активистов на местах:

Команда «Беневожа» в течение 6 лет накопила знания, инструменты и практический опыт для устойчивого развития малых территорий, которые отличаются от методов, используемых в крупных городах. Наша цель — поделиться своим опытом и объединить сообщество активных людей, которые будут действовать вместе для благополучия и развития деревень и небольших городов, добиваясь устойчивых позитивных изменений на небольших территориях (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.).

Обучение платное, но доступное — 4900 рублей². Кроме того, организаторы разработали «подвешенный билет» — любой может профинансировать билет для кого-то, не имеющего денег на оплату обучения. Вновь подчеркну, что вопреки декларируемой идеологии — развитию деревни по запросу сообщества сельских активистов, речь скорее идет об их формировании, воспитании и образовании.

Вовлекая людей в проект, команда «Беневож» предлагает получить весь необходимый «капитал» (знания, важные для реализации проектов по изменению территорий), который у них уже есть и который оказывается значимым для того, чтобы люди оставались внутри проекта:

В первый год было создано активное сообщество, выдвинута инициатива по созданию онлайн-карты активистов, организовалось сотрудничество, состоялось региональное знакомство, несколько участников выяснили, что они живут друг с другом на одной улице или ездили друг к другу в гости, начали работать вместе (ПМА–2021/22, Инф. 2, 1986 г. р.).

Так участники обретают разные капиталы: социальный (сообщество единомышленников), культурно-символический (образование в важной для них сфере сохранения наследия и развития малых территорий, знакомство с уже существующими проектами и статус), экономический (возможность сотрудничать с новыми знако-

¹ Цены указаны за 2022 г.

² Цены указаны за 2022 г.

мыми, интегрироваться в проекты команды «Беневоаж» и зарабатывать деньги на внутреннем туризме).

Обучение в онлайн-проекте имеет для участников те же мотивы, что и для туристов: необходимость быть среди тех, кто разделяет общие ценности, чувствовать себя частью чего-то большего, и «инвестировать» — получить символический, культурный, социальный и экономический капитал, необходимый для реализации конкретных идей.

Приближение к деревне: активисты

Среди шести моих информантов, являющихся активистами «Беневоажа» на местах, все — выходцы из более крупных городов или районных центров. Это особенно интересно в контексте того, что все члены команды «Беневоажа» вышли из сельской местности, уехали в крупные города и теперь организуют путешествия в русскую «глубинку». Активисты «на местах», напротив, уехали от городской суеты, но им, как и городским беневоажёрам, в деревне не хватает их прошлого — и они стараются привнести туда городской уровень жизни сами:

Хочу, чтобы то, что было у меня в Москве, было и тут. Чтобы моя жизнь не оскудела! Мы провели тотальный диктант, я веду сейчас мастер-классы по плетению для детей и взрослых. Люди приходят, мы общаемся, потом они мне что-то предлагают — и вот она и жизнь, связи человеческие! (ПМА–2021/22, Инф. 4, ок. 1970 г. р.).

Ирина — музейный сотрудник, она переехала из Москвы в небольшую деревню Вологодской области. Сейчас она организовала несколько музеев, проводит мастер-классы по традиционному ручному ткачеству поясов на дощечках и читает небольшие лекции, приглашая людей из соседних деревень.

Так Ирина ищет потребность в символическом и социальном капитале (Бурдые 2004), который был у неё в городе и который теперь она самостоятельно создаёт в деревенском пространстве. Ирина говорит, что её предыдущий опыт сильно повлиял на то, что она стала активисткой в деревне — в школьные годы она была старостой класса, выпускала газету. Затем пошла учиться на факультет межкультурных коммуникаций и социальной педагогики, стала музейным сотрудником, занималась просветительской деятельностью, созданием и проведением интерактивных музейных программ. При этом её всегда тянуло в сельскую местность, она проводила в детстве лето в деревне — и наконец смогла переехать с мужем в свой дом. Работая в музее, Ирина получала культурный и социальный капитал, поняла, как работает эта среда и хорошо смогла применить все полученные знания в маленькой деревне. Её навык организатора помог привлечь людей к проекту даже в тихой малонаселённой сельской местности. А опыт жизни в деревне ещё в детстве показал, что в этом нет ничего незнакомого, страшного — она уже была включена в сельскую практику и понимала, как существовать в ней (Беккер 2018).

Почти все остальные активисты из других региональных путешествий «Беневоажа» тоже выросли в крупных городах и переехали в деревню или село в поисках более размеренной жизни, однако каждый решил менять территорию, на которой поселился, и приносить изменения в сферы, по которым он ностальгирует из своей городской жизни:

Я в банке работал и в какой-то момент остановился подумать, куда развиваться и что делать, понять, нужна ли мне должность. <...> Мало смысла было для меня в зарабатывании денег. А деревня для меня — нужный способ развития. И переехал специально туда, где люди что-то делают сами, а не как обычно (ПМА–2021/22, Инф. 7, ок. 1975 г. р.).

Ярослав — один из активных слушателей и участников курса — на первый взгляд выбивается из теории о том, что все местные сельские активисты приехали из города и теперь стараются создать условия, которых им не хватает. Он родился и вырос в деревне, работает в лесном хозяйстве, окончил Уральский лесотехнический университет и сейчас пытается понять, как местные жители могли бы использовать лесной ресурс. Поддержки среди местного населения не нашёл — и тогда обратился в соседний районный центр, организовал несколько праздников, которые с его точки зрения являются традиционными и которые в дальнейшем стали отмечаться каждый год. Создав музей зодчества, Ярослав пытается основать школу, чтобы помогать людям не бояться переезжать в сельскую местность.

Интерес к своей земле, своей территории, ручному мастерству возник у него ещё в юности:

Я вообще потомственный ремесленник, это моё потомственное ремесло. Мы вместе с братом участвовали на ярмарках как ремесленники со своими изделиями, ездили в Ханты-Мансийск, Екатеринбург, много очень куда (ПМА–2021/22, Инф. 8, ок. 1970 г. р.).

Отец прививал ему интерес к родной территории, чему способствовала и выбранная им профессия — для того, чтобы заниматься ремёслами, плотницким мастерством, надо узнавать историю, традиции — приобретать культурный капитал.

Но на самом деле, Ярослав не так сильно отличается от уже упомянутых нами активистов. Он родился, вырос и сейчас живёт в деревне — но очень много ездил по разным городам и какое-то время жил в достаточно крупных:

Увидел фильм про ... (Фамилия человека, занимающегося развитием сельских территорий — Е. С.). Потом стал искать большие видео про развитие территорий, списался с ним. Его главная мысль — что местное сообщество, занимающееся своим ресурсом — основа стабильной и устойчивой жизни. Я с ним согласился очень быстро, не было даже мысли, что он прав или не прав, потому что я всегда хотел здесь жить и если я уезжал, то это в связи с какими-то обстоятельствами. В школе я поехал учиться в Екатеринбург и тосковал по родине, мечтал вернуться сюда. Потом мне приходилось уезжать в город моей супруги, работал я с заказчиками в Питере несколько лет. Но всегда хотел вернуться. В городе мне всегда было тяжело. Постоянные поездки, жизнь в многоэтажном доме... А это моя родина, я здесь вырос, мне есть чем заняться, мне ничего другого не надо (ПМА–2021/22, Инф. 8, ок. 1970 г. р.).

Во время учебы в Санкт-Петербурге он много думал над тем, чем заниматься в жизни, искал смыслы — и узнавал об инициативах по развитию территорий. Он точно так же осознанно пришёл к идее сохранения наследия, имея за плечами большой опыт, получив социальные связи, культурный и символический капиталы.

Важно отметить, что активисты, с которыми работают организаторы «Беневоаяжа», видят сельскую местность не как пространство «особой социальности» или «пасторальной жизни», а скорее как ресурс для реализации собственных проектов, место, где меньше тех, кто действительно что-то делает и где проще в каком-то смысле реализоваться.

В городе человек не может и не хочет, так как всё за тебя делают. А в малом этого нет, от тебя здесь реально что-то зависит (ПМА–2021/22, Инф. 4, ок. 1970 г. р.).

Они хотят менять новое пространство, стремятся привнести в него удобства из своей «прошлой», городской жизни, и при этом жить для себя, на своей земле и в своём доме. Они создают «городской комфорт» и «городские условия» в деревне, а элементы «деревенской жизни» оставляют «для декора»:

Как приехали в 2007 году, сразу постарались настроить интернет. Провели воду в дом, поставили бойлер для горячей воды, ванну, тёплый туалет. <...> Со временем заменили окна, поменяли крышу — когда меняли крышу, решили сразу и второй мансардный этаж заложить (каркасный). Теперь в два больше площадь дома стала. <...> Постепенно отделали второй этаж с террасой/балконом, наверху сделали вторую ванную комнату, совмещенную. Стиральную сразу с поставили — это база. <...> Кухни тоже две. Со временем собрались и протянули своими силами по улице газ. Сделали отопление — внизу тёплый пол, наверху батареи. Печку сносить не стали, но она для декора больше (ПМА–2021/22, Инф. 7, ок. 1975 г. р.).

Активисты переделывают свои дома в нечто близкое к коттеджным строениям, а затем добавляют изменения в окружающее их пространство — предлагают соседям отремонтировать старые и проложить новые дороги, открыть кафе, дома творчества и развивающие центры, где хотят проводить фестивали с приглашёнными экспертами. При этом редко среди других жителей сельских территорий активисты встречают позитивный отклик — их предложения воспринимают как бессмысленную трату времени и не поддерживают.

Общее дело «беневоаяжеров» и местных жителей

По сути, «Беневоаяж» привносит жителям деревень идею «права на город», выдвинутую А. Лефевром, а именно — право на присвоение. Оно включает в себя право на физический доступ к городским пространствам и их использованию. Важно то, что это право не просто занимать уже созданные территории, но производить и преобразовывать пространства таким образом, чтобы они соответствовали потребностям людей.

Полезность пространства для горожан становится главным аспектом при принятии решения о его создании (Лефевр 2015) — и «Беневоаяж» ищет «общее дело», то, которое будет важно всем жителям деревни. «Беневоаяж» заявляется как организация, работающая с местным населением, причём считается, что первичная инициатива всегда должна исходить от них, и тогда компания будет привлекать людей, готовых прийти на помощь.

Однако в реальности выполненные проекты совсем не всегда оказываются действительно общим делом, важным всем — так, в одно из путешествий беневоаяжеры

построили скамейку для местных жителей, однако спустя всего несколько лет она заросла травой и ей совершенно никто не пользовался — для общения жители скорее идут на речку или сидят в гостях друг у друга, но не используют новое пространство как место встреч и обсуждения новых проектов по развитию деревни.

При этом, то как беневоязыеры понимают свое «право на город» — то есть право на активное создание городского пространства и доступа к нему, ярко подчёркивает, что они с ним работают с позиции «чужеродности», инаковости — того, что важно понять и освоить, а не как местные жители с территорией, которую знают с детства и не видят необходимости сделать ее нечужой.

Иерархизация сообщества

Проект онлайн-обучения от «Беневоязыа» был создан после нескольких путешествий для расширения сообщества, поиска новых единомышленников и объединения людей. Но уже в открывающем вводном слове от организатора заложено выделение участников в особую группу, отделение от «остальных»:

Счастье в том, чтобы найти друзей с тем же психическим расстройством, что и вы. Поздравляю вас! Здесь собрались сотни людей с одинаковым психическим расстройством. Для всех нас важно, чтобы наши деревни не умирали¹ (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.).

Организаторы проекта посредством онлайн-обучения распространяют свои взгляды на то, как должна измениться деревня, при этом создавая новую базу будущих активистов, которые раньше не приглашали «Беневоязыа» к себе в деревню.

Так, один из активистов из Сибири, который был заинтересован в развитии территории, хотя и не работал с «Беневоязыем», начал перестраивать свой дом по примеру активистов-беневоязыёров с момента включения в онлайн-проект. Он провёл электричество, а затем начал добавлять элементы «городской жизни» — построил гостевой дом для будущих туристов, «колинвинг» для волонтеров, которых нашёл благодаря онлайн-сообществу, летнюю веранду и большую оранжерею с цветами для городского «сада зимой», погреб для хранения вина...

Тут важно подчеркнуть, что активист создал колинвинг в деревне для горожан, для будущих «беневоязыёров». Запрос на подобное место исходит не от поиска в деревне «коллективного», «общинного», а от необходимости создания комфортных условий для проживания будущих туристов. И в целом колинвинг — публичное пространство — свойственен скорее городской инфраструктуре, а не деревенской, где с одной стороны всё публично — ведь все «друг про друга всё знают», с другой — у каждого есть понимание о личном, индивидуальном пространстве, и нет потребности в совместном проживании.

Несмотря на заявленную открытость проекта и готовность принять любые идеи, связанные с развитием территории, внутри «Беневоязыа» и онлайн-проекта существует достаточно сильная иерархия и руководитель оказывает большое, ключевое влияние на идеи проходящих обучение участников. Ключевая роль Анны (руководителя «Беневоязыа») в проекте — контролировать реализацию и правильное восприятие его цели:

Сохранять концепцию. Она работает с каждым участником, чтобы передать эту идею. Люди, которым Анна доверяет, которые разделяют

¹ Материал из открытого источника: курса проекта.

её идеи — они становятся консультантами, но Анна сначала связывается с каждым новым проектом, а затем передает его своей команде». «Анна отказалась от инвестирования. Для нее было важно не потерять свою идею и не отдавать власть другим (ПМА–2021/22, Инф. 5, ок. 1970 г. р.).

И действительно, Анна работает над идеями каждого нового путешествия лично, сначала проводя интервью с потенциальными участниками, а затем передавая его подготовку в руки своей команды, но контролируя ситуацию в социальных сетях. Зарождение идей, альтернативных основной концепции проекта, ею не принимается. В чате «сообщества единомышленников» атмосфера поддержки, о которой говорили информанты-организаторы во время интервью, не всегда такова: в ситуациях, когда кто-то начинает предлагать свои идеи, обсуждать роль проекта или названия, Анна реагирует достаточно резко:

Есть люди, которые придумывают термины, и есть люди, которые работают и меняют жизнь к лучшему. Я не собираюсь тратить свое время на болтовню. Если бы вы действительно чего-то хотели, давно реализовали свой проект, а не спорили из-за названия¹ (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.).

На ответ участника о том, что он реализует проекты, и ему кажется не очень верным подобное отношение к людям, которые изначально пришли в сообщество для поддержки и возможности обсудить важное, руководительница ужесточила правила:

Друзья мои, в нашем чате и сообществе изо дня в день создается атмосфера ненависти, негатива и оскорблений. Напоминаю вам, что это не соответствует нашим правилам. За оскорбительное отношение к другим: предупреждение, а затем удаление. У человека (имя) уже есть предупреждение. <...> Мне всё меньше и меньше хочется заходить в эту беседу. Для меня это сообщество взаимопомощи, тепла и дружбы² (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.).

В то же время в группе наблюдается и самоконтроль среди «приближённых» (Элиас 2002: 200): так, несколько участников в связи с одной спорной ситуацией писали в чате, что «они не понимают сути конфликта, но поддерживают»³ Анну, другие отмечали, что чат существует только для важных вопросов. Аналогичные ситуации возникли во время стратегической сессии, когда люди, предложившие несколько иной взгляд на концепцию сообщества, отличный от идей Анны и ближайшей команды, были прерваны участниками. Здесь важно, что контроль возникает не только в случае ситуации реального оскорбления участников или спама, а и в ситуации расхождения предлагаемых к обсуждению проектов с основной идеей «Беневожа» — вернее с тем, как видят её организаторы.

В дополнение к традиционному разделению между теми, кто приезжает и теми, кто живет в деревне («у нас действительно другой уровень, нам было интересно жить среди этих людей, но я ни с кем не дружил»), между активистами деревни и их соседями («я знаю гораздо лучше, как правильно жить»), организатором и командой «Беневожа» после первого потока обучения было решено провести стратегические сессии для обсуждения целей проекта, основных идей и перспектив, а после реги-

¹ Материал из открытого источника: чата проекта.

² Материал из открытого источника: чата проекта.

³ Материал из открытого источника: чата проекта.

страции на него 30 человек из 1000 организатор написала в чате: «30 человек — чем не явное сообщество лидеров?» (ПМА–2021/22, Инф. 2, 1986 г. р.).

Наконец, все участники на всех уровнях имеют особое представление о миссии своих действий в развитии сельских районов:

И их боль [ностальгия по деревне и страх исчезновения этих территорий] вместе с сотрудничеством с Анной дает им видение и мотивацию, а также возможность идти по возникающему пути (ПМА–2021/22, Инф. 5, ок. 1970 г. р.).

Ключевая идея «Беневяжа» — «отдать (или продать) в качестве примера свое собственное искусство жизни» (Бурдые 2004: 428). В некотором смысле можно сказать, что типичный беневоажер считает себя «неолиберальной предпринимательской фигурой на переднем крае городского культурного производства, которое продвигает искусство хорошей жизни» (Scott 2017: 13).

Это подтверждается наличием определенной идеологии: она является важной особенностью онлайн-проекта и исходит из концепции «Беневоажера». В процессе обучения будущие активисты обязательно должны ознакомиться с книгами по «спиральной динамике», освоению территорий и большим блоком литературы на тему «Что со мной не так или почему мы другие»¹.

Так, ключевой идеологической концепцией проекта является «спиральная динамика» (модель эволюционного развития людей, организаций и общества, разработанная Д. Беком и К. Кованом (Бек, Кован 2010)). Идея о том, что все участники онлайн и офлайн-проектов принадлежат к «зеленой зоне», передается всем моим респондентам, когда они задаются вопросом об отношениях с другими участниками. «Зеленый уровень» — это определенная страта в теории, «уровень, на котором человек понимает свою миссию, свои ценности, а в случае команды — это этап, на котором все понимают слова «единомышленники» и «команда», никто не конкурирует, а работает на общее благо» (Бек, Кован 2010).

При этом участники используют эту концепцию, чтобы отделить себя от других, это способ разделить людей на категории:

Это инструмент для отделения добра от зла. Вы можете разделить людей на категории, и вы понимаете, почему они вас не понимают. Это похоже на то, что ты идешь по разным улицам и разным дорогам — и не пересекаешься с теми, кто там есть. Я понял, почему меня здесь никто не понимает (ПМА–2021/22, Инф. 7, ок. 1975 г. р.).

После карантина у нас будет гораздо больше клиентов. Когда люди начали сидеть дома, они, наконец, пришли к тому, к чему мы пришли 6 лет назад (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.).

Если вы знаете спиральную динамику, там есть уровни. Я прошел тест — и я перехожу на бирюзу. А в деревне живет фиолетовый, редко переходящий в красный и синий. <...> Мы не говорим об оранжевом и зеленом уровнях. Кто хочет учиться здесь? Кто в 45 лет пойдет в колледж, как я? Здесь я всегда был отличным учеником, активистом, всегда первым делал то, чего ни у кого нет, а затем все следовали за мной (ПМА–2021/22, Инф. 8, ок. 1970 г. р.).

¹ Материал из открытого источника: официального сайта проекта.

В последнем высказывании очевидно проявляется то, что жители деревни как сообщество — то есть сельскость с социальной точки зрения — не только не интересует беневожатеров, но даже пугают их своей неактивностью, нежеланием меняться. Перед нами вновь идея не «возрождения деревни», а ее перевоспитания.

Н. Элиас писал, что любая стабилизированная элита, то есть группа, каста или социальный слой, подвергается социальному давлению с низов (Элиас 2002: 129). В результате для каждой группы такого типа очень важно принадлежать к элитному сообществу, а сохранение дистанции становится решающим и определяющим фактором их поведения. В то же время ценность этого существования не нуждается в каких-либо оправданиях для людей, принадлежащих к элите, и особенно в каких-либо объяснениях по причинам полезности.

Участники проектов «Беневожа» не ставят под сомнение важность для них нахождения в «зеленой зоне». В то же время они не анализируют, как пришли к этой идее — все говорят об этом просто как о реальном факте, о реальной категории, которая, кажется, всем известна и с помощью которой каждый отделяет своих собратьев от других. Идея принадлежности к «зелёной зоне» распространяется организатором по всем сайтам проекта, этой идее посвящена первая и вторая части онлайн-обучения. Анна говорит об этой концепции во всех интервью с журналистами, социологами.

Концепция «зелёной зоны» объединяет эту группу в единый коллектив, именно она создаёт сообщество «Беневожа», но в то же время отделяет их от других групп людей и выделяет в определенный условный класс.

На мой взгляд, таким образом, боль, которая возникает из-за непонимания их действий на территориях среди местных жителей, они переводят в элитарную концепцию. Фактически, первое предложение, с которым сталкиваются участники онлайн-курса, говорит об этом:

Белая ворона. Вопрос этой недели: «Почему я ненормальный?» Вопрос, который часто возникает у тех, кто начинает развивать деревню или небольшой городок. Нас все еще мало, даже по всей стране, а в деревне или городе мы часто оказываемся одни. И когда все общество живет по-другому, а мы понимаем, что не можем так жить, вопрос «Почему я ненормальный?» возникает сам по себе¹ (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.).

Действительно, в интервью все активисты говорят о непонимании со стороны родственников, а тем более жителей деревни, в которой они живут. И в качестве компенсационного механизма, позволяющего не сдаваться и продолжать что-то делать, активисты-беневожатеры и организаторы выделяют себя в особую группу и говорят, что знают «намного лучше, как жить», и будут показывать своим примером это другим. «Показать людям, которые никогда не покидали деревню, что такое мир и как жить» (ПМА–2021/22, Инф. 2, 1986 г. р.).

Создание новой структуры контроля территориального развития

В некотором смысле беневожатеры строят общество, условно альтернативное культуре потребления: то, что циркулирует в добровольном пожертвовании, служит социальной связи, а не наоборот, как в рыночном принципе, поскольку в добровольном пожертвовании связь (социальный капитал) важна больше, чем полученное благо.

¹ Материал из открытого источника: курс проекта.

Беневоажеры находят реализацию себя в проекте как благодаря тому, что сочетают индивидуализм и альтруизм. Помимо элитаризации (особой миссии), участникам очень важна идея «индивидуального спасения»:

В режиме служения, который происходит, когда мы участвуем в проекте или просто делаем что-то вместе в нашей деревне, кажется, что мы теряем всё: силы, деньги, время. Но это не так, в конечном итоге мы получаем гораздо больше. Нам нужно идти в пространство сообщества не за деньги, мы всё можем изменить в стране (ПМА–2021/22, Инф. 7, ок. 1975 г. р.).

Таким образом, добровольные действия стимулируются распространением нового экономического послания, которое противостоит утилитаризму, где индивидуальная полезность представляет собой единственный возможный коллективный идеал (Durand 2006: 90). В то же время нельзя сказать, что «Беневоаж» полностью строит новое общество, чуждое современным экономическим отношениям и политическим иерархиям. С одной стороны, они действительно строят свое идеальное общество, а с другой стороны, они снова играют те же роли, что есть в государстве. Организатор Анна училась на чиновника, работала в государственных структурах. Во многих отношениях её решение заняться спустя некоторое время предпринимательством было связано с тем, что «не все были готовы дать высокую должность при её известности [по прошлой работе], а она не была готова идти на меньшее» (ПМА–2021/22, Инф. 5, ок. 1970 г. р.). Тогда она организовала проект, который был распространен по всей стране, реализован в соответствии с моделью устойчивого развития Организации Объединенных Наций и дополнен идеями из книг по развитию территорий и управлению ими.

Местные активисты, которые приглашают команду «Беневоаж» развивать свою деревню, затем уходят работать в городские власти или становятся депутатами. Они предлагают свои проекты, и после того, как какое-то время поработают с жителями, поднимаются на уровень выше, чтобы получить больше разрешений, субсидий и изменить территорию в более широком масштабе — например, построить новые дороги или заасфальтировать существующие дороги.

При этом с реальными местными властями, которые также являются важной частью деревенских сообществ, беневоажеры и руководители «Беневоажа» не взаимодействуют принципиально:

А государство, к сожалению, все те аргументы, которыми оно может влиять на проблему иждивенчества, они только ухудшают ситуацию. Ну то есть к нам обращаются очень многие муниципальные власти и спрашивают — а что нам сделать, как нам изменит эту проблему, люди такие неактивные, бла-бла-бла. Им — ничего нельзя сделать. Вот я не знаю ни одного эксперимента в мире, который помог бы им что-то сделать (ПМА–2021/22, Инф. 2, 1986 г. р.).

<...> Но у людей же позиция «Вы — власть, вы должны нам всё делать. Ваша идея — вы и делаете». А если к тебе просто приходит сосед, который не обладает властью — вот, если приходит сосед, обычный человек, не наделённый властью и не бизнесмен, и говорит: «А давай сделаем площадку для наших детей» — человек с ним пойдёт в большем количестве случаев, чем если придёт власть. <...> (ПМА–2021/22, Инф. 3, 1985 г. р.).

И в этом вновь проявляется в проектах «Беневожая» невидимость местного жителя, не являющегося активистом — он словно исключён из преобразовывающегося пространства деревни и остаётся просто незримым наблюдателем.

Заключение

«Беневожай» заявлен как проект по развитию и восстановлению деревень, но в реальности он — ностальгия по тому, чего никогда не было. Организаторы-беневожеры (которые все являются выходцами из деревень, переехавшими в крупные города) и активисты-беневожеры несут в сельскую местность, то, что они видят в городе, создают туристическое предложение, которое не было широко распространено в российской деревне. Это не столько помощь конкретному сельскому сообществу, сколько глубоко личная история со своими задачами.

Беневожеры — как активисты на местах (почти все из них при этом когда-то жили в крупных городах и затем переехали в деревни), которые приглашают туристов, так и организаторы проекта — балансируют между консерватизмом (спасением деревни за счет привлечения дополнительного интереса и ресурсов) и инновациями (частичным превращением деревни в город).

Организаторам-беневожерам в современной жизни не хватает деревенского прошлого, это их «сельский капитал», который позволяет понять, как сейчас существует деревня и чего ей не хватает. В то же время и у них, и у активистов-беневожеров есть жизненный опыт в городе, который помог им обрести необходимые культурные, экономические и социальные связи — и благодаря им они развили в себе организационные способности и понимание уровня жизни, который хотят распространить на деревню.

Деревня в их понимании противопоставляется городу как пространство правильного и разумного устройства жизни, но при этом то, какова она сейчас, их не устраивает — по их мнению деревня должна приобрести черты того, что не хотят потерять активисты, переехав из города, и при этом сохранить сельский колорит.

Объединяющей идеей всех беневожеров является концепция особой миссии: у них *«есть больше, чем у других, — и это нужно отдавать»* (ПМА–2021/22, Инф. 1, ок. 1985 г. р.).

Проект продолжает существовать уже более 8 лет и привлекает новых участников, потому что он является особой формой соединения добровольчества и правительственной структуры: активисты вписываются в систему, создавая собственную, новую иерархическую группу с очень чёткой идеологией. Они создают новые рабочие места, потому что не смогли — и во многом не захотели — вписываться в существующие профессиональные занятия.

При этом от местных жителей, которые родились и никогда не переезжали в другие места, активисты и организаторы проекта не пытаются получить реальный запрос — они строят скамейку, на которой никто не будет сидеть, так как в основном общение селян проходит дома или у речки, хотят основать кафе, где никто не планирует пить кофе, так как его здесь любят пить дома.

Кажется, что в каком-то смысле беневожеры — и активисты, и организаторы — приходят не в место, где живут люди, а в пространство почти отсутствующей творческой конкуренции, свободное для реализации новых идей, на территорию,

которую можно переделать и урбанизировать. И в процессе работы по её освоению беневоажеры пытаются создать ту самую «новую сельскость», ту новую деревню и новый образ жизни, которые совместят преимущества городского и деревенского быта, но — практически не принимая в расчёт голоса жителей, без которых просто нет той деревни, в которую они едут.

Источники и материалы

- Беневоаж — Открытые источники. Сайт проекта, чаты проекта, курс проекта «Беневоаж». (из этических соображений ссылка не дается).
- ПМА–2021/22 — Материалы полевых исследований автора. Глубинные неструктурированные интервью с организаторами и путешественниками «Беневоажа», активистами и другими местными жителями 30–50 лет. Количество: 12 интервью. 2021–2022 гг.

Научная литература

- Бек Д., Кован К.* Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке / Пер. с англ. П. В. Миронов, И. Фрейман. М.: Открытый Мир, BestBusinessBooks, 2010. 424 с.
- Беккер Г.* Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / Пер. с англ. Н. Г. Фархатдинова; под ред. А. М. Корбутова. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.
- Бурдье П.* Различение: социальная критика суждения / Пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 680 с.
- Аничкова О. М., Артемова О. Ю., Артемова Ю. А. и др.* Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 404 с.
- Громько М. М.* Обычай помочей у русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций) // Советская этнография. 1981. № 4. С. 26–38.
- Демидова Ю. А.* Коллективизм и индивидуализм в сообществах родовых поместий на примере двух экологических поселений Центральной России // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 26–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2020.5.34131>
- Куприянов П. С., Савина С. А.* Современный музей русской деревни: производство сельскости бывшими горожанами // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 12–30. <https://doi.org/10.31857/S086954150013118-9>
- Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
- Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
- Durand E.* Le bénévolat, un temps social au service de la solidarité // RECMA. 2006. Vol. 302. No. 4. Pp. 83–90.
- Scott M.* «Hipster Capitalism» in the Age of Austerity? Polanyi Meets Bourdieu's New Petite Bourgeoisie // Cultural Sociology. 2017. Vol. 11 (1). Pp. 60–76. <https://doi.org/10.1177/1749975516681226>
- Tutorskiy A. V.* What Does it Mean “to Lie” in an “Honest Village”? // Etudes Mongoles et Siberiennes, Centrasiatiques et Tibetaines. 2017. № 48. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.4000/ems-cat.2937>

References

- Anichkova, O. M., O. Yu. Artemova, Yu. A. Artemova et al. 2022. *Vdali ot shuma gorodskogo: antropologi o sel'skoi zhizni v Rossii* [Away from the Noise of the City: Anthropologists About the Rural Life in Russia]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 404 p.
- Bek, D. and K. Kovan. 2010. *Spiral'naia dinamika. Upravliaia tsennostyami, liderstvom i izmeneniiami v XXI veke* [Spiral Dynamics: Mastering Values, Leadership and Change]. Moscow: Otkryti Mir, BestBusinessBooks. 424 p.
- Bekker, G. 2018. *Autsaidery: issledovaniia po sotsiologii deviantnosti* [Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance]. Moscow: Elementarnye formy. 272 p.
- Bourdieu, P. 2004. Razlichenie: sotsial'naia kritika suzhdeniia [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. In *Zapadnaia ekonomicheskaia sotsiologiia: Khrestomatiia sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology: A Textbook of Modern Classics], ed. by V. V. Radaev. Moscow: Rossijskaia politicheskaia enciklopediia. 537–565.
- Demidova, Y. A. 2020. Kollektivizm i individualizm v soobshhestvakh rodovykh pomestii na primere dvukh ehkologicheskikh poselenii Tsentral'noi Rossii [Collectivism and Individualism in the Communities of Ancestral Estates on the Example of Two Ecological Settlements in Central Russia]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* 5: 26–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2020.5.34131>
- Durand, E. 2006. Le bénévolat, un temps social au service de la solidarité [Volunteering, a Social Time in the Service of Solidarity]. *RECEMA*. 302(4): 83–90.
- Elias, N. 2002. *Pridvornoe obshchestvo: Issledovaniia po sotsiologii korolia i pridvornoj aristokratii, s Vvedeniem: Sotsiologiia i istoriia* [The Court Society: Studies in the Sociology of the King and the Court Aristocracy, with Introduction: Sociology and History]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 368 p.
- Gromyko, M. M. 1981. Obychai pomochei u russkikh krest'ian v XIX v. (K probleme kompleksnogo issledovaniia trudovykh traditsii) [The Custom of the Russian Peasants in the XIX Century. (On the Problem of a Comprehensive Study of Labor Traditions)]. *Sovetskaya etnografiia* 4: 26–38.
- Kupriyanov, P. S. and S. A. Savina. 2020. Sovremennyi muzei russkoi derevni: proizvodstvo sel'skosti byvshimi gorozhanami [Modern Museum of the Russian Village: Production of rurality by Ex-Urban Residents]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 12–30. <https://doi.org/10.31857/S086954150013118-9>
- Lefevr, A. 2015. *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press. 432 p.
- Scott, M. 2017. «Hipster Capitalism» in the Age of Austerity? Polanyi Meets Bourdieu's New Petite Bourgeoisie. *Cultural Sociology* 11(1): 60–76. <https://doi.org/10.1177/1749975516681226>
- Tutorskiy, A. V. 2017. What Does it Mean “To Lie” in an “Honest Village”? *Etudes Mongoles et Siberiennes, Centrasiatiques et Tibetaines* 48: 1–12. <https://doi.org/10.4000/emscat.2937>